

Тахир МАЛИК

ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Повесть

Пришли три брата к развилке трех дорог. Видят: на камне письмена высечены. Прочли их братья, и каждый выбрал себе путь. Старший пошел той дорогой, про которую написано было: «Пойдешь и вернешься». Средний отправился в ту сторону, откуда «то ли вернешься, то ли нет», а младшему досталась дорога, по которой «пойдешь — не вернешься». Кенджа-батыр шел долго, встречал высохшие колодцы и не мог утолить жажду, котомка его пуста, и нечем было заглушить голод. Путник похудел, ослаб, но назад не повернул. Наконец он увидел строения какого-то города. Казалось, ворота и высокие стены пылали. Кенджа-батыр вошел в город и от удивления остолбенел. Здесь не оказалось ни единой живой души, ни травки, ни деревца — все было из сияющего, как золото, камня.

(Из узбекской народной сказки)

Их усадьбы примыкали одна к другой, изгородь заменял ряд вишневых деревьев. Когда опускалась ночь и их домашние засыпали, стройная, как кипарис, девушка и богатырского сложения юноша устремлялись к этим вишням. Но сегодня парень что-то запаздывал. Девушка сидела долго, прислушиваясь к шелесту листьев. Дрожат ли они на ветру или же ведут разговор на неведомом языке? «Все говорят по-своему. И растения объясняются между собой. Только люди не понимают их языка...»

Послышались шаги, и мысли девушки прервались. Она привыкла узнавать парня и в темноте..

Присели у края неширокого арыка. Долго молчали. Наконец юноша вздохнул и произнес:

— Вы, наверное, уже слышали новость?

— Да,— ответила девушка.— Но я не совсем поняла причину этого решения.

— Мы — брат, отец и я — столько труда вкладываем в изготовление украшений, а лавры достаются баю. Оказывается, он преподносил наши изделия падишаху, выдавая их за собственные. Бай не способен ни на что, но его осыпают милостями, дарят ему златотканые одежды. А наших стенаний никто не слышит. Вот и решили мы переехать в другое место.

— А обо мне вы не подумали?

— Я жду подходящей минуты, чтобы сказать отцу. Но согласятся ли ваши? Я не надеюсь на это...

— Не знаю.

Они вновь замолчали. Вода в арыке еле слышно жур<чала.

Обняв колени, девушка подняла голову к кебу:

— Звездочка падает,— сдавленно произнесла она.

— Кто-то отдает богу душу,— отозвался парень.

— Смотрите-смотрите, она все не гаснет!

Влюбленные пристально следили за летящей звездой.

— Видно, большой человек умирает,— промолвил парень,— тяжело расстается с душой.

Звезда становилась все ярче, стал заметен светящийся хвост, оставляемый ею, он делался с каждым мгновением шире. Некоторое время юноша и его подруга продолжали наблюдать за звездой. Наконец девушка передернула плечами и, освободившись от объятий, поднялась. Сказала: «Мне страшно. Надо идти в дом».

Тем временем в ночи раздались встревоженные голоса — жители города высыпали во дворы. Собаки подняли бешеный лай. Вскоре повсюду запылали костры, слышались слова молитв, причитания женщин.

А звезда все увеличивалась в размерах, и скоро на нее невозможно стало смотреть. Началась паника: «Солнце падает на землю!», «Аллах прогневался на нас!» Но вот ослепительный свет разом залил всю округу. И следом за ним раздался невыносимый

грохот. Земля дрогнула, как бы расколота ударом. Вековые деревья ломались, словно сухой тростник. Но в следующий миг все кругом замерло, облитое мертвенным золотистым сиянием. Смолкли вопли, грохот. Небо постепенно темнело, прорезались звезды. В их призрачном свете слабо мерцало все, что еще минуту назад двигалось, жило, словно лес бронзовых изваяний, застыли на площадях толпы людей, металлическим блеском отсвечивали деревья и травы...

Утреннее солнце поднялось из-за окоема, залив всю окрестность потоком огня — око озарило тысячи недвижных фигур, сама земля мертвого города, его руины, также покрывшиеся золотистым налетом, нестерпимо сияли. Только один предмет во всей округе выделялся в этом море солнечного огня — темное яйцевидное сооружение с выступавшими в нижней части его тонкими отростками, похожими на лапки кузнечика.

К полудню на боковой поверхности «яйца» обозначилось прямоугольное отверстие, и вскоре из него один за другим появились двое. Они были очень похожи на людей, однако намного выше и крупнее. Полупрозрачные колпаки у них на головах излучали ослепительный свет. Сделав несколько шагов, тот, кто шел первым, остановился и заговорил:

— Кив, кажется, мы ошиблись в расчетах. Грунт на месте посадки должен быть не столь твердым, а примерно таким, как у нас на Унете.

— Да,— оглядываясь вокруг, ответил второй,— и цвет местности совсем другой, чем он казался из космоса. Почему все кругом желтое? Когда мы вели наблюдение с Унета, эта планета излучала тускло-голубой свет. Может быть, таково воздействие атмосферы? Если вся поверхность суши желтая, то предположение Рэка окажется правильным. В таком случае приемлемую для унетян планету придется искать возле других звезд.

Они зашагали быстрее. В радиусе нескольких десятков метров

от места приземления «яйца» не осталось и следа растительности. Поваленные деревья стали попадаться пришельцам на значительном удалении от корабля. Кив остановился возле гигантской чинары, отливавшей желтым металлическим блеском.

— Ниг, взгляни, тебе это ничего не напоминает? — обратился он к спутнику.

Ниг приблизился к чинаре, постучал по ее стволу длинной тонкой трубкой с утолщением на конце.

— Странная форма. Если бы это не был минерал, я бы сказал, что он напоминает мне... Посмотри кругом, да ведь таких камней очень много!

Они пробирались среди руин. Увидев человеческую фигуру с воздетыми к небесам руками, Кив резко остановился, словно споткнувшись.

— Ведь это наше изображение в металле! — воскликнул он.

Ниг с трубкой в руке приблизился к изваянию. Прикоснувшись инструментом к одному из тонких пальцев статуи, он осторожно отделил его и, положив себе на ладонь, провел по нему серебристым обручем. Палец раскрошился, словно глиняный.

— Мы не ошиблись, Кив. Здесь была жизнь. Это памятники умершей цивилизации — обитатели планеты, возможно, хотели сохранить для будущего свой облик...

— Что ж, может быть, в твоих словах есть доля правды. А если жизнь не угасла?.. Не приземлились ли мы в месте, где жители чтут предков? Ведь у нас на Унете существовал в древности обычай увековечивать памятными знаками такие места.

— Во всяком случае, надо прихватить с собой несколько таких изваяний...

Получив донесение о том, что на город опустилась «пылающая звезда», султан повелел нескольким ученым мужам и служителям аллаха отправиться на место бедствия и затем

представить дивану¹ подробный отчет об увиденном. Облеченные доверием властителя немедленно двинулись в путь.

На третьи сутки путники стали замечать, что земля приобрела желтоватый оттенок и делается все более твердой — она начала звенеть под ударами копыт.

— Эти края, видно, прокляты богом, и не прогневим ли мы его, если поедем дальше, — заметил один из мулл.

— Но мы не имеем права вернуться, не узнав, что творится на месте падения звезды, — ответил седобородый старец в снежно-белой чалме.

Когда добрались до окраины погибшего города, была уже ночь. В свете луны золотом отсвечивали дувалы, неподвижные кроны тополей. Когда посланцы увидели несколько окаменевших фигур, их охватил страх. Некоторые предлагали немедля повернуть коней и скакать прочь от города. Однако, посоветовавшись, решили все же дождаться дня, чтобы исполнить повеление властелин и увидеть все собственными глазами. Пристанищем для них стал обезлюдевший дом, стены и убранство которого также отсвечивали желтым.

Четверо расположились на ночлег в доме, остальные — во дворе.

В полночь все кругом осветилось, и едва уснувшие чутким сном путники пробудились. Взглянув наружу, они увидели приближающихся к дому двух неизвестных огромного роста, над головами которых распространялось сияние. Едва незнакомцы подошли к дувалу и тень от него перестала скрывать тех, кто остался во дворе, как все они окаменели, покрывшись золотистым налетом.

Оставшиеся в доме распластались по полу и беззвучно шептали молитвы до тех пор, пока свет, озарявший окрестность, мало-помалу погас. Когда, россыпь звезд вновь стала видна на небосводе, один из мулл выглянул во двор, и, увидев окаменевшие фигуры своих товарищей, сдавленно вскрикнул:

¹ Совет высших сановников при султани.

— Они превратились в золото!

До самого утра уцелевшие посланцы султана читали молитвы и заклинания, а с восходом бросились седлать коней. Но и лошади превратились в неподвижные изваяния, нестерпимо блестящие в лучах восходящего солнца. Теперь им, оставшимся в живых, предстоял мучительный путь пешком по каменистой пустыне.

На шестой день погонщики купеческого каравана, следовавшего в столицу, выбрали одного из тех, кто по велению султана отправился в погибший город. После того как сердобольные караванщики напоили его, звездочет Рахматулла, назвав себя, попросил доставить его ко двору повелителя правоверных и впал в забытие.

Придворные лекари привели звездочета в чувство, и он предстал пред очи султана, его визирей и высшего духовенства.

— Почему только ты один выбрался из этого города? — спросил хозяин дворца.

— О властелин, все мои сотоварищи остались там: одни обратились в золотые изваяния, а другие умерли в желтой пустыне.

— Он не в своем уме, повелитель,— заметил один из чиновников.— Жаркое солнце расплавил ему мозги.

— Помолчи,— остановил его султан.

Выслушав подробный рассказ Рахматуллы, он задумчиво сказал:

— В его речах нет следов безумия — он говорит складно и толково... А что думает по поводу услышанного нами великий муфтий?

Служитель аллаха приподнялся с подушек и, приложив к груди руки, отвечал:

— Я думаю, о надежда Ислама, что звездочет говорит правду. Видно, аллах в назидание нам обрушил на грешный город свой гнев. А те двое великанов, источавших свет, может быть, это святой Хызр и святой Хусам?

После обсуждения событий, последовавших за падением

звезды, султан разослал во все концы страны указ, в котором извещалось: всевышний покарал нечестивцев, обратив их в камень. Доступ в проклятое место отныне воспрещается. Но сразу же поползли слухи о том, что в погибшем городе все: дома, люди, сама земля — превратилось в золото. Некоторые смельчаки стали проникать в проклятый аллахом край, но те немногие, кто возвращался, вскоре умирали от недуга. И суеверный страх перед Неведомым отбивал у других охоту отправиться за «золотом святого Хызра». Горячие ветры заносили город песком и пылью, принесенной с полей Ферганы...

Шли годы, под ударами кочевников рушились государства, жизнь возрождалась на новых местах, и падение звезды постепенно забылось, остались в памяти иных поколений лишь смутные легенды, предания о святом Хызре.

* * *

Возвращаясь с похорон доцента Бекмирзаева, некоторые вполголоса говорили: «Сам себя загубил. И раскопки эти — бессмысленны». Уже на следующий день после его смерти институтским начальником была высказана мысль о том, что пора прекратить работы, проводившиеся Бекмирзаевым в Язъяване. Это встревожило Даврана Хасанова, который под руководством Бекмирзаева участвовал в раскопках. Поэтому сразу же после похорон он выехал в Язъяван, чтобы привести в порядок документацию экспедиции и подготовить аргументы в пользу продолжения изысканий.

И когда спустя полмесяца из центра поступило указание прекратить работы, Давран написал докладную, в которой приводил расчеты покойного учителя и просил разрешения продолжить раскопки. Еще через неделю в лагерь экспедиции прибыл однокурсник Даврана Нияз Мансуров — щеголь, словно сошедший со страниц журнала мод, с тонкими, словно выщипанными бровями, усиками. Увидев его издали, Давран

ощутил досаду: вместо того, чтобы прислать знающего специалиста, институт командировал этого пройдоху. То, что совершенно чуждый научных интересов парень благодаря большим связям чувствовал себя спокойно на этом поприще, вызывало неприязнь не только у Даврана, но и у многих археологов. Давран учился вместе с ним пять лет, бывал с ним на практике, но ни разу не видел, чтобы он участвовал в работах или проявил хоть какой-то интерес к находкам. И тем не менее Нияз получил диплом. А вот теперь именно его направили решать судьбу раскопок в Язъяване.

Увидев Даврана, Нияз зашагал навстречу с распростертыми объятиями. Давран хмуро ответил на приветствия и предложил немедленно начать ознакомление с проделанной работой. Нияз с кислой миной кивнул и отправился вслед за Давраном по пыльной дорожке. Он ступал очень осторожно, словно боясь наступить на змею. Когда они поднялись на каменистый бугорок, Нияз, вместо того чтобы слушать объяснения коллеги, принялся отряхивать запыленные штанины.

— Куда ты меня тащишь? — возмутился он, когда Давран направился было к лабиринту раскопок.— Я и отсюда вижу, что вы, словно суслики, копаетесь в земле. Ты покажи мне найденные вещи.

— Разве ты не видел их в институте?

— Да видел какие-то пять-шесть черепков,— с иронией ответил Нияз.

— При раскопках Афрасиаба² сначала тоже были найдены глиняные черепки,— парировал Давран.— Да и Помпеи — там тоже начиналось с черепков.

— Времена Помпеи и Афрасиаба прошли, дружище. На твою и мою долю не выпадут такие грандиозные открытия. Поэтому, как говорится, по одежке протягивай ножки. Какой смысл мучить себя и людей, тратить колоссальные средства ради того, чтобы

² Городище близ Самарканда, где в тысячелетии 1 до н. э. находилось крупное городское поселение.

откопать захудалый кишлак?

— Конечно, можно никуда не ездить и строчить диссертации на материале прежних раскопок. Я слышал, некоторые так и делают...

Нияз понял намек и, нахмутив брови, резко сказал:

— Ученый совет пришел к выводу, что в твоих сообщениях нет стоящей информации.

— А может быть, некоторые всезнающие товарищи ввели заблуждение членов ученого совета относительно содержания моей докладной?

Теперь Давран намекал на «руку» Нияза — его родственника, занимавшего руководящий пост в институте.

— Я приехал сюда не по желанию отдельных товарищей.

— Если бы и ученый совет придерживался твоей позиции, то не было бы никакой надобности в твоём приезде. Направили бы приказ о прекращении работ, и все.

— А если бы приехал не я, твой однокашник, а другой?..

— Другой, по крайней мере, со всей серьезностью отнесся бы к нашей главной находке — кисти руки, выполненной из неизвестного материала.

— Да мало ли как мог сюда попасть обломок индийского культового изваяния.

— Совсем не похоже на манеру скульпторов, создававших индуистские и буддийские статуи.

— Но ты уже перерыл сотни тонн грунта, а других подобных находок пока нет.

— А эта найдена всего за три дня до смерти Бекмирзаева. С тех пор работы велись черепашьими темпами. Надо по-настоящему раскопать Язъяван.

Нияз досадливо поморщился и стал озираться по сторонам — спор явно наскучил ему.

— Послушай, Давран, я устал с дороги. Подумаем об отдыхе. И давай не будем напрасно ломать копыя. По возвращении я скажу, что не пришел к определенному мнению. Предложу вызвать тебя.

Приедешь и будешь сам сражаться за эту яму.

Они повернули назад. Давран понял, что Нияз и на сей раз хочет выйти сухим из воды. Известно, что многие годы один из руководителей института, дядя Нияза, был на ножах с доцентом Бекмирзаевым, вследствие чего каждое начинание покойного наталкивалось на препятствия. Работы, начатые Бекмирзаевым в Язъяване, судя по первым же находкам, сулили успех. Об этом также ведомо Ниязу. Поэтому, считает он, надо действовать осторожно, не рубить сплеча. Если он станет на сторону родича, а работы в Язъяване внезапно приведут к блестящим результатам, то пострадает не дядя, а он сам станет козлом отпущения. Но ему невыгодно быть и на стороне Даврана. При любом исходе он наживет себе врага. Самое разумное — придерживаться нейтралитета.

— Можешь уделить мне один день? — спросил Нияз, когда они подошли к палаткам лагеря.

— А что?

— Срок командировки — неделя. Я слышал, здесь есть хорошие места для отдыха.

Давран давно уже соскучился по родным, но события последнего времени не позволяли и думать о поездке к ним. Неожиданное предложение Нияза пришлось как нельзя кстати. «Да, не худо бы немного развеяться», — решил он и сказал:

— Ладно, завтра придумаем что-нибудь.

На землю спустились сумерки. Рабочие экспедиции уселись вокруг костра. Вода в закопченном до черноты чайнике быстро закипела и выплескивалась из-под крышки, грозя потушить огонь. Обугленные ветки шипели, густой пар поднимался над костром, но хворост быстро вновь воспламенялся, и жаркие языки пламени снова принимались лизать чайник. Наконец Давран железным крюком подцепил его за ручку и поставил на траву. Бросил в кипяток пригоршню заварки, немного погодя налил чай в пиалу, вылил его опять в чайник, повторил эту операцию дважды — чтобы напиток заварился покрепче.

Собираясь вечером возле костра, заводили веселую болтовню, песни, однако сегодня разговор не клеился. Даже чай не допили до конца. Всем была неприятна заносчивость гостя, его начальственный тон.

Нияз отправился спать в палатку. Давран поставил свою раскладушку на свежем воздухе. Бросил на нее шерстяное одеяло и лег на спину, заложив под голову руки. Спать не хотелось. Смотрел в небо, усеянное звездами... Вот звезда падает. В старину сказали бы: «Умер кто-то». А теперь для нас все понятно и буднично...

— Мулла Давран-бек, вы еще не спите?

Услышав знакомый голос, Давран отвлекся от своих размышлений. Поднялся с раскладушки.

— Видно, звезды считали или поджидали святого Хызра?

— Почти угадали,— улыбнулся Давран и указал место рядом с собой.— Садитесь, Йигитали-ака.

Однако ночной гость не воспользовался приглашением, а примостился на корточках возле ствола акации. Высыпав из склянки на ладонь немного насвая бросил его под язык. В экспедиции этот человек недавно, ушел из колхоза после ссоры с раисом³. Дом его был недалеко от места раскопок, поэтому он не почевал в лагере, а приходил на работу утром и уходил вечером. Но случалось, что он засиживался за оживленной беседой и оставался в палатке вместе с другими рабочими. Пятидесятилетнего йигитали-ака уважали все участники экспедиции — в основном, молодые парни,— он же относился к ним, как к родным сыновьям.

— По мусульманскому календарю сегодня двадцать седьмая ночь месяца рамазан. Раньше все ждали с наступлением темноты появления святого Хызра,— шепелявя проговорил Йигитали-ака, отряхивая с ладони остатки наса.— Я тоже ждал. И отец мой ждал. Наверное, и дед ждал. Однако никто из нас не видел Хызра. Говорили, если появится Хызр, то кругом, становится светло, как

³ Председатель.

днем, и любая вещь, к которой прикоснешься, превратится в золото. В давние времена одна женщина из нашего кишлака увидела святого и с испуга схватила своего ребенка, чтобы защитить его. В тот же миг малыш превратился в золотую статую. Погоревала она, погоревала, а потом нужда заставила ее отпилить один палец у изваяния и продать ювелиру. Ровно через год, в ту же ночь, Хызр явился вновь. Теперь женщина ждала его и, едва увидела святого, схватилась за статую ребенка. Малыш ожил, но в том месте, где был отпилен палец, полилась кровь. В детстве я не раз слышал эту легенду и верил в нее. Теперь-то никого не удивишь такими рассказами, ответят — сказки.

Йигитали-ака выплюнул насвай⁴, вытер рукавом халата губы, вздохнул.

— Мы ведь неграмотные были, вот и верили всему.

— Это хорошо, что верили, Йигитали-ака,— сказал Давран.— Есть такие, которые сами ни во что не верят и другим морочат голову. Мой учитель Асад Бекмирзаевич тоже знал эту легенду. Именно предание о святом Хызре, появлявшемся здесь, заставило его начать раскопки в Язъяване. Так что, как видите, и ученые иногда верят в сказки.

— Пять пальцев не одинаковы... Вы ходили по раскопкам с одним щеголем. Прошел слух, что будем сворачивать работы.

— Это пока неизвестно.

— Вам-то все равно. Не здесь, так в другом месте будете продолжать свою работу. А мне куда деваться? Придется вернуться «с повинной» в колхоз. Переехать в город или в другое место не смогу — прикипела душа к родным местам.

— Нет, Йигитали-ака, для меня не безразлично, где копать. Если хотите, я не меньше вашего патриот Язъявана. Верю, что здесь, у нас под ногами, скрыты волнующие тайны ушедших веков.

— Удачи тебе, дорогой. Ты достойный ученик покойного Асаджана — он тоже до бесконечности мог говорить о Язъяване.

⁴ Жевательная смесь из золы и табака.

— Спасибо за теплые слова, йигигали-ака. Не знаю только, дадут ли мне докопаться до этих тайн... Вот и приходится ловчить. Завтра везу его на прогулку. Вернусь, буду думать, как спасти дело учителя.

— Куда вы хотите поехать?

— На Сырдарью.

— Прихватите меня с собой. Я заядлый рыбак. Добуду рыбу на уху,

Давран молча кивнул. Йигигали-ака поднялся, протянул руку для рукопожатия. После его ухода археолог долго не мог уснуть. Взгляд его был устремлен в черную бездну, усыпанную звездами. Оставаясь один на один с этим небом, Давран всегда впадал в какое-то оцепенение. Вот и теперь, неподвижно глядя на яркую звезду, сиявшую хрустальным блеском, Давран дал свободу своим мыслям. Вдруг в ушах зазвенело. Раздался резкий, раздражающий свист. Он сменился звуком, напоминавшим скрип двери. Звезды на небосклоне закрыла какая-то тень — будто кто-то навис над археологом. Сердце Даврана забилося чаще. «Я брежу», — подумал он, попытался встать, но не смог. Неведомая сила давила на тело, не давала пошевелиться. «Плохой сон снится, надо проснуться», — пронеслось в голове. Но ведь он не спал — глаза были открыты, и видел он то же звездное небо с темной тенью в зените. Вдруг тень стала отчетливее, приобрела очертания человеческой фигуры. Вокруг головы неизвестного вспыхнул яркий нимб. Но в следующий миг видение исчезло. Давран ощутил странную легкость и вскочил с раскладушки, осмотрелся, настороженно вслушиваясь. Вокруг было тихо, только слабо шелестели тополя. Да из палатки доносился легкий храп Нияза. Огонь в костре угас, лишь мелкие угольки светились в темноте. Давран немного прошелся и вновь лег. Его быстро начала одолевать дремота, и до самого утра он спал без сновидений...

Собираясь в дорогу, путешественник мечтает об открытиях, о прекрасных молодых планетах. Если его надежды не сбываются, то и путь домой ему не в радость. А если к тому же с твоим

полетом связаны надежды миллионов—тогда неудача миссии причиняет подлинные страдания.

Когда Ниг взял обратный курс на свою родную планету Унет, он чувствовал себя именно таким горе-путешественником. Внезапная, необъяснимая смерть Кива спутала все их планы. Пришлось свернуть программу исследований и ограничиться лишь осмотром маленького участка планеты. Положив тело Кива в вакуумную камеру, Ниг уже не отважился отходить далеко от корабля. Взяв образцы минералов, пробы грунта на разных глубинах, он выбрал из множества изваяний два и поместил их в контейнер с прочими находками. Даже это было нарушением инструкции, обязывающей прекратить экспедицию в случае смерти одного из членов экипажа. Но нельзя же было вернуться с пустыми руками.

Пока звездолет набирал ускорение, Ниг следил за работой систем жизнеобеспечения. Когда датчики возвестили о том, что достигнута необходимая скорость, проверил работу автоматов-навигаторов и вошел в камеру сна.

Пробудился Ниг от какого-то толчка. Когда он освободился от ремней и поднялся с ложа, то едва мог двигать руками и ногами — они словно налились свинцом, все тело ломило. Ниг прислонился к стене, обхватив ладонями голову. Вдруг быстро открылась дверь и показалось чье-то лицо. Ниг не успел рассмотреть его, потому что дверь бесшумно закрылась с такой же быстротой. Ниг бросился в ярко освещенный коридор. Никого. Он направился к вакуумной камере. Заглянул внутрь через перископ: труп был на месте. В тот же миг за спиной послышались крадущиеся шаги. Кто-то проскользнул в кабину управления. Противный зуд пробежал по телу, кожа покрылась фиолетовыми пятнами. «Волнуюсь»,— мелькнуло в сознании Нига. Он сиял с предохранителя аннигилятор и направился в кабину. Но здесь тоже никого не было. Космонавт обессиленно повалился на сиденье пилота. С минуту прислушивался к гудению приборов. И снова окаменел от страха — кто-то сзади

положил руку ему на плечо, прошелестело чужое дыхание. Ниг резко обернулся, выставив вперед аннигилятор. И снова никого не увидел. Он сходил еще раз к вакуумной камере, осмотрел все закоулки корабля и вернулся в кабину. Потом подключился к аппарату психотерапии. Когда нервы несколько успокоились, он вновь вошел в камеру сна. Ему привиделся Фид. Серьезный взгляд, редкая растительность на лбу, толстые фиолетовые губы скорбно выпячены. И голос — грубый и скрипучий.

— Мы проиграли, Ниг. И приговор должны вынести сами.

— Приговор? Зачем?

— Новые порядки требуют от нас безошибочной работы.

— Такие порядки могут установить только невежды.

— Судьба ученых всегда находилась в руках невежд.

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь.

— Мы должны вынести приговор.

— Какой приговор?

— Как ты смотришь на самоаннигиляцию?

— Такая дикая мысль никогда не приходила мне в голову. Это безумие, Фид!

— Подумай... Это — самый верный путь...

Ниг вскочил. Протер глаза. Опять галлюцинации? Надо сосредоточиться и выгнать из головы все нелепые мысли. Но успокоение не приходило. Он машинально принялся барабанить по стене — привычка, оставшаяся от времени обучения в центре космоплавания. Но движения были необычно затруднены, тяжесть не покидала его. Ниг перевел взгляд с приборов на стену и чуть не вскрикнул — на руках у него было не по три, а по пять пальцев. Столько же, сколько у каменных изваяний на Эрл! Шатаясь, поднялся и вышел из кабины. Снова посмотрел на руки. Нет, пальцев не пять, а, как всегда, три. Значит, опять галлюцинации. Проклятые памятники! Вся эта чушь лезет в голову из-за них! Он бросился в грузовой отсек. Стал лихорадочно вскрывать запоры герметического контейнера с образцами, взятыми на Эрл. Но вовремя одумался и остановился. «Опять

грубейшее нарушение инструкции. Микроорганизмы планеты попадут и на Унет. Это может вызвать катастрофу. Надо привести себя в порядок...»

Ниг надолго включил агрегат психотерапии, а затем сразу же направился в камеру сна, закрепил себя на ложе ремнями и мгновенно уснул. Механический сторож разбудил его перед самой посадкой на Унет.

Услышав о том, что Ниг вернулся, Фнд не смог усидеть дома. Но и пойти к старому другу долго не решался. В неудаче экспедиции он винил только себя: ведь это он двадцать два года назад заявил, что на одной из планет, обращающихся вокруг отдаленной звезды Тэт, должны быть условия для жизни, и она сможет принять переселенцев с Унета.

К тому времени его родная планета сделалась гигантским кладбищем жизни. Стремительно вымирали последние виды растений и животных, естественная среда обитания сделалась небезопасной и для жителей, породивших эту всепожирающую цивилизацию. И за такой исход развития были ответственны администраторы и менеджеры. Ведь ученые заранее предсказали наступление такого момента, когда ситуация выйдет из-под контроля, и били тревогу. 'Однако население Унета, ослепленное успехами техники, не обратило внимания на предостережения скептиков. Расцвет цивилизации продолжался. «Уму непостижимо» — это определение стало обиходным для всех и каждого. Скорость — уму непостижимая. Мощность — уму непостижимая. Погоня за самым-самым привела к загрязнению окружающей среды в уму непостижимой степени. Однако это явление признали только тогда, когда оно сделалось очевидным. И все-таки унетяне не нашли в себе сил самоограничения, а когда на планете не осталось свободной земли и поверхность ее полностью перешла в услужение менеджеров, наступил кризис. То, что сначала объявлялось победой разума над законами природы, обернулось поражением. Экономика, нацеленная на расширенное воспроизводство, начала рушиться. Благополучие

населения Унета пошатнулось. Вот тогда-то и бросились в космос за спасением. Долгие годы поисков ничего не принесли — ученым не удавалось обнаружить планету, пригодную для заселения. И тут явился Фид со своими расчетами. Планету, открытую им, назвали Эрл, что значит «Надежда». Надежда на продолжение жизни. Ибо впереди унетян ждала пустота. Голая земля. Без единого живого существа, без единого зеленого кустика. И только осевшие, полуразвалившиеся здания, громоздящиеся повсюду, останутся свидетельством жизни, что когда-то была на Унете... Таким видели завтрашний день планеты ее обитатели. С тем большим воодушевлением принялись за подготовку экспедиции на Эрл.

Если бы кто-нибудь из ученых сотню лет назад объявил, что на одной из далеких планет может существовать жизнь, он наверняка не был бы вознесен на такие высоты славы, как Фид. Его открытие заняло бы место среди обычных ежедневных новостей. Но теперь, когда жизнь Унета висела на волоске, в сердце каждого зажегся огонь надежды. Именно поэтому Фиду повсюду воздавались почести.

Для полетов автоматов, для контрольных проверок не было времени. Поэтому перед выдающимися исследователями Нигом и Кивом была поставлена задача: долететь до Эрл, опуститься на ее поверхность, изучить возможную среду обитания на месте, при встрече с разумными существами установить контакт. Чтобы обезопасить экспедицию от поражения неведомыми микроорганизмами, была разработана аппаратура, обеспечивавшая кораблю и его экипажу большую зону защитного излучения. И вот теперь корабль вернулся. Надежда рухнула.

Ниг живой, но с симптомами психического расстройства, рассказывает о преследовавших его галлюцинациях. Кив погиб неизвестно отчего, несмотря на все меры предосторожности. Главный итог экспедиции — условия на Эрл опасны для жизни. Этого достаточно, чтобы перечеркнуть судьбу Фи да.

Сердце его сжалось. Душе захотелось безлюдья, широкого

простора. Просторы... Где они есть? Теперь это просто метафора. Мы привыкли к узким ущельям между зданиями, только вот душа не может привыкнуть, атавистическая тяга к воле все живет в ней.

Сейчас все спят, подключившись к своим любимым программам проектора сновидений. Только Фид не может уснуть. Вот уже несколько дней он мучается от невозможности забыться — импульсы проектора искажаются, и вместо приятных сновидений он видит кошмары. И никому не поведаешь о своем горе. Есть ли кто-нибудь, кто разделит бы с ним его печаль?!

На цыпочках, чтобы не разбудить соседей по палате, Фид вышел в коридор, проехал в капсуле подъемника до первого этажа и попал в сквер. Было душно. Он и сам не знал, куда идет. Но что-то вело его все дальше и дальше, и он шагал по каменным плитам, устлавшим улицы спящего округа Вау 35/12.

Под утро он добрался до рощи. В пору Покорения Природы (так именовалось это время велеречивыми администраторами) унетяне оставили от каждого леса такие вот рощицы, как память о дикой растительности, некогда покрывавшей планету. И теперь Фид искал успокоения на этом клочке побежденной природы.

Тесен мир. Нет ни пяди свободной земли. «Но где-то должен быть простор, который может дать утешение душе,— думал ученый.— Пусть даже не будет света. Ощущение простора необходимо человеку! Без этого невозможно... Неужели я брежу? Глупец... Это сказывается бессонница. Я мечтаю о мираже...»

Глаза его воспалились, в горле пересохло. Ему казалось, что стеклянные громады зданий, переливающиеся под первыми лучами солнца, наступают на крохотную рощицу и вот-вот сомкнутся...

Фид вошел под сень деревьев. Сначала он шагал по вытоптанной глинистой тропинке, затем ступил на покрытую нежной травой сырую землю. Машинально, сам того не замечая, Фид срывал листья с деревьев, щипал траву и задумчиво жевал зелень. Тишина. Пока все кругом спит, кажется, что он на самом

деле забрел в настоящий бескрайний лес, какие существовали когда-то. Для полной иллюзии не достает только птичьих голосов. Их изображения и имена сохранились лишь в пособиях по истории Унета. Да можно еще послушать их пение в фонотеках. Беззащитные птицы стали первыми жертвами резких изменений в атмосфере. Фид с тоской поднял голову и стал смотреть на кроны деревьев. Увидеть бы хоть раз в жизни живую птицу... Говорят все-таки, что отдельные особи-мутанты уцелели, кто-то видел помет, следы. Нет, скорей всего очередная сенсация...

Поднялся легкий ветерок, и Фид вдруг ощутил знакомый запах — затхлый и приторный запах Приюта. Ему ли было не знать его: ведь он долго возглавлял Комиссию по водворению провинившихся ученых. Он часто бывал в Приюте — содержащиеся здесь лишались возможности заниматься наукой за тот ущерб, который они нанесли обществу своими ошибочными гипотезами или проектами. Трижды в день их подключают к источнику физиологического раствора. Иного питания не положено. Одинаковые балахоны. Гладко выбритые лбы — знак отверженности. Теперь Фиду предстоит занять лежак в Приюте — вот цена его ошибки в расчетах... Но откуда здесь этот запах? Он встревоженно озирается, но ничего не видит, кроме корявых стволов и листвы. Сделав несколько шагов, останавливается: пара горящих глаз воззрилась на него из сплетения ветвей. Фид сразу узнает этот взгляд: «Ты, Пим?!» Грузное тело обрушивается на землю, и узник Приюта, путаясь в полах нелепого балахона, бежит прочь. «Стой, Пим! Я не собираюсь причинять тебе зло!» — кричит Фид и бросается вслед за беглецом. Он скоро настигает своего бывшего коллегу — питание в Приюте явно не способствует упражнениям в беге. Пим в испуге закрывает бритый лоб руками, кожа его покрывается фиолетовыми пятнами. «Как ты попал сюда?» — спрашивает Фид. Молчание. Оба долго смотрят друг другу в глаза. Внезапно Фид сообщает: это пахнет балахон Пима, который пропитался невыносимым духом Приюта.

Фид вспоминает: он ведь первым потребовал, чтобы Пима отправили в Приют. Нет, он не сожалеет о своем тогдашнем решении. По его вине высохло большое озеро. Когда стало известно, что уровень воды в нем из года в год падает, возникла дилемма: сохранить озеро, невзирая на большие расходы по его спасению, или отказаться от вмешательства, предоставить водоем собственной несчастной судьбе. Выгоды первого решения проблемы не покрывали бы и половины расходов. Конечно, и во втором случае было не избежать убытков. Однако предполагаемая прибыль от освоения дна высохшего озера в будущем должна была превзойти их. Пим встал на защиту второго решения. Он представил убедительные расчеты, обещавшие прибыль, и рекомендовал не дожидаться естественного высыхания озера, а «помочь» ему. Приступили к осушению, и через короткое время по дну можно было ходить. Поначалу выгоды были немалые — появилась новая территория для застройки. Пиму вручили награду, его имя то и дело мелькало в речах администраторов. И только по прошествии многих лет убедились, что осушением озера был нанесен непоправимый ущерб природе, резко изменился климат большого района, пострадала экономика. Общие потери оказались в итоге огромны. И тогда Комиссия постановила: Пим лишается всех знаков признания и заключается в Приют.

Давно уже Фид не встречал его и теперь с каким-то странным чувством разглядывает Пима—скоро и ему предстоит занять место по соседству с ним. И тогда — бритый лоб, такой же балахон, тот же невыносимый приторный запах...

Фид резко отворачивается и идет прочь. «Что делает здесь в этот предутренний час несчастный Пим? Сбежал? Нет, просто выбрался ненадолго подышать среди листвы — ведь Приют неподалеку. Да и куда ему бежать?» Фид углубился в рощу. Открылась небольшая поляна, и он остановился. Посередине торчал из травы большой валун. Ученый вспомнил это место. Раньше из-под валуна бил родник. Но теперь сухо. На сломанных

ветвях, на зеленых кустах не видать насекомых. Наверное, ушли на поиски новых мест, где есть вода. На душе было тревожно. Фид вздохнул. Сжав голову руками, присел на валуи. Куда теперь идти? Приближалось время первого приема пищи. Он боится опоздать к раздаче? Не хочет умереть с голоду и будет спокойно дожидаться, пока его отправят в Приют?

Ученый повернул обратно. Выйдя из рощи, он увидел знакомую фигуру у входа в свой дом. Сердце Фида учащенно забилось. Когда взгляды их встретились, он сказал только:

— Прошло двадцать два года, Ниг...

— Фид! — Ниг обнял постаревшего друга.

— Я действительно ошибся? — сдавленным голосом спросил Фид.

— Сейчас трудно сказать наверняка.

— На днях соберется Комиссия по водворению...

— Я написал письмо Высшему собранию с просьбой не спешить с решением.

— Спасибо, Ниг. Однако до сих пор не был прощен ни один из ученых, допустивших ошибку.

— Именно поэтому мы и оказались на краю гибели. Ошибавшиеся ученые попадали в Приют и лишались возможности вести исследования, а не ошибающиеся жили в свое удовольствие и довели нашу бедную планету... Неужели так трудно понять эту простую истину!

— Напрасно ты кипятишься,— понизив голос, заметил Фид,— Эта задача не из тех, которые мы можем обсуждать. На это есть Высшее собрание.

— А из кого оно состоит?..

— Ниг, ты пришел сказать только об этом?

— И об этом тоже.

— Ты, наверное, сдал отчет о полете?

— Да, конечно. Я не утверждаю категорично, что на Эрл нет жизни. Я прихватил с собой памятники.

— Памятники?

— Да. Очень похожие на нас. Только несколько меньших размеров.

— А химический состав атмосферы, наличие воды?

— Ваши предположения подтвердились, но...

— Что «но»?! — невольно воскликнул Фид.

— Результаты спектроскопических исследований, которые мы провели на орбите спутника Эрл, были близки к вашим расчетам. Однако наблюдения на поверхности планеты дали весьма отличные от них результаты... У меня есть по этому поводу соображения.

— Слушаю тебя.

— Возможно, на Эрл когда-то была жизнь. Но, вероятно, цивилизация пришла к своей гибели — как это происходит у нас. Возможно, жители нашли убежище на других планетах. А в память о себе оставили изваяния. Что если население Эрл — наши предки?

— Не фантазируй.

— Я ищу разгадку памятников...

— Они встретились случайно? Или вы заметили их с орбиты?

— Можно сказать, случайно. Однако их было очень много. Даже деревья среди них есть.

— Если бы мы покидали Унет, какую память о себе оставили бы?

— Я не думал об этом.

— Ты привез с собой целый ворох загадок. Хватит ли нам времени, чтобы разгадать их?

Не дожидаясь приглашения, Нияз открыл переднюю дверцу машины, смахнул с сиденья пыль. Усевшись, он бросил портфель назад и уставился на дорогу. Йигитали-ака вопросительно посмотрел на Даврана. Но тот, словно ничего не заметив, открыл заднюю дверцу и сел рядом с портфелем «начальника».

— Трогаемся, Йигитали-ака?

Машина двинулась по ухабистому проселку. Клубы пыли взлетали из-под колес, наполняли кабину. Нияз поспешно поднял

боковое стекло. Затем достал из кармана носовой платок, сложил его и набросил на шею. Йигитали-ака наблюдал за движениями гостя. Да, встретить гостя следует как подобает, независимо от того, мил он тебе или нет. Понятие об этом Йигитали-ака впитал с молоком матери. Но поделаться ничего не может — не по нутру ему этот парень...

Деревья вдоль дороги поредели. А скоро за окнами машины поплыли песчаные барханы. Даврану казалось, что эти пески погребли под барханами древние тайны. Пески в Кызылкумах или Каракумах никого не удивляют. Однако встреча с небольшим клочком пустыни прямо в центре цветущей долины наполняет душу какой-то тревогой. Во всяком случае, так бывает с Давраном, когда он проезжает этой дорогой. «Что это? Каприз природы? Скорей всего, в древние времена вся Фергана выглядела так и лишь благодаря настойчивости народа превратилась в цветущий сад. Может быть, наши деды и прадеды, сражавшиеся с песком, оставили в качестве напоминания грядущим поколениям этот кусочек пустыни, нечто вроде естественного музея?...»

— Кажется, в песках что-то посажено? — спросил Нияз.

— Здесь посажены деревья саксаула, — ответил Йигитали-ака.

— Саксаула? Это еще зачем? Ведь эти места хотели осваивать?

— Пески занимают площадь около десяти тысяч гектаров. Что можно было — освоили. Навезли на песчаный слой земли, сверху набросали слой плодородной почвы и сейчас сеют хлопчатник. А саксаул сажают для того, чтобы барханы не полезли на посевы. Каждый год заново принимаются за посадки.

— Что, не принимают?

— Принимаются-то принимают, но едва росток пробьет наружу, как сюда пригоняют скотину. Сколько скандалов было из-за этого. И штраф платили. Но положение остается прежним. Если к саксаулу не притрагиваться в течение двух лет, потом горя знать не будешь — прибыль пойдет горой.

— Йигитали-ака, вот вы дехканин, — сказал Давран. — Со

временем от песков не останется и следа — пустыню осваивают. Но как вы считаете — правильно ли это будет?

— Не в характере нашего народа сидеть сложа руки. Стоит узбеку увидеть клочок свободной земли, он тут же что-нибудь посадит. Вот и на месте пустыни он разобьет сады.

— Но правильно ли это будет?

— А чего тут неправильно?

— Полное уничтожение пустынь окажет вредное влияние на климат.

— Польза или вред — для меня это темный лес. Вы люди ученые, а мне откуда знать? Мое дело работать,— он на минуту задумался, затем произнес: — Конечно, климат тоже меняется. Не потому ли так часто люди стали умирать внезапно. Раньше подобных случаев было мало. А теперь о них слышишь чуть ли не каждый день. В кишлаках, правда, не так много, больше в городе. Интересно, в чем же причина?

— Причина проста: давление крови...— важно сказал Нияз, разминая сигарету.

Но Йигитали-ака так и не услышал объяснения причин внезапных смертей. Нияз быстро перевел разговор на новую тему: о страшном урагане, пронесшемся над Америкой. Давран усмехнулся — он знал, что Нияз любит щегольнуть своей мнимой образованностью. И то, что сей «ученый муж» не сумел дать ответа на вопрос дехканина, лишней раз свидетельствовало о его невежестве. Наверное, Нияз не дочитал до конца ни одну статью. Если ему поручить ликвидацию пустынь, он справится с этим в течение нескольких лет. А о последствиях и думать не будет. Как говорится, вместе с тубетейкой принесет голову. Но если начальство прикажет ему расширить границы пустыни, то, глядишь, всю долину превратит в безжизненный край...

Остановились в райцентре возле книжного магазина. Директор обнял Даврана, как родного брата, остальных приветствовал крепким рукопожатием. Давран представил его:

— Камалходжа. Вместе учились в школе, женился здесь и

остался.

Узнав, что гости собрались на рыбалку, Камалходжа попросил немного подождать, сел в свой «Запорожец» и куда-то уехал. Вернулся он через полчаса. К багажнику на крыше машины были привязаны рыболовные снасти. Вместе с директором магазина приехал высокий худой парень. Это был Закирали — самый заядлый рыбак в округе.

На песчаном берегу Закирали сразу же расположил рыболовные снасти и внимательно осмотрел их. При этом он ворчал, что их не стоит доверять даже признанным «королям» рыбной ловли. Тем временем Камалходжа открыл багажник и вытащил две старенькие курпачи⁵ и сумку с продуктами.

Нияз некоторое время наблюдал за рыболовами, затем разделся, аккуратно сложил одежду, убрал ее на сиденье машины и лег на расстеленную курпачу. Его, видно, разморило на солнце — через минуту он уже спал, приоткрыв рот. Давран скатал вторую курпачу наподобие подушки и, подсунув ее под голову коллеге, пошел к реке. Йигитали-ака принялся разводить костер. Мутная вода текла словно нехотя, лениво поглаживая песок на берегу. Раньше даже в самую жару уровень ее поднимался до того места, где сейчас стоит машина. А теперь река заметно обмелела. Легко можно доплыть до островка. Но люди редко забираются туда. Мальчишки боятся злого духа, якобы живущего на острове, тех, кто повзрослее, отпугивает вероятность встречи со змеей или кабаном. До родного кишлака Даврана отсюда можно доехать за два часа. Когда он был маленьким, отец несколько раз брал его с собой сюда. Мужчины веселились, ловили рыбу. А Давран усаживался на берегу и разглядывал таинственный остров. Ему казалось, что сказочные чудовища прячутся в буйных зарослях, нависших над водой.

Остров все такой же. Глядишь и не налюбишься. Он разделил реку надвое, и оба рукава соединяются только верст через десять. Царство дикой природы. Густые заросли шиповника, сизолистого

⁵ Узкое стеганое одеяло.

тополя, дикой джиды. Ветви деревьев и кустов склонялись к самой воде, мокрая листва блестела под солнцем. Все вокруг — во власти тишины...

Глядя на этот пейзаж, Давран забыл о своем намерении искупаться. Его раздумья прервал шум.

— Эге-ге-ге! — кричал Камалходжа, махая руками. Давран только теперь заметил у берега ловивших рыбу друзей, те в ответ тоже кричали и размахивали руками. Давран подошел к ним, помог собрать улов — дюжину крупных сазанов и усачей. Подмигнув Даврану, Закирало ловко сложил улов в сумку...

Нияза разбудили, когда уха была готова. Он с неохотой встал, поплелся к реке умыться. Пропустили по маленькой, и Нияз ожил. Взяв кусок рыбы, он принялся разглагольствовать, остальные же сидели, не притрагиваясь к еде. Давран хорошо знал обычаи местных жителей: здесь считалось неприличным есть, когда говорит гость. Поэтому он часто прерывал рассказ Нияза.

Когда стало смеркаться, собрали снасти, сложили в багажник остатки улова и припасов. Камалходжа повез гостей к себе домой.

Под высокими подпорками виноградных лоз на дастархане уже было приготовлено угощение. Жена Камалходжи застенчиво поздоровалась с гостями и отправилась на кухню. Хозяин пригласил всех усаживаться.

Давран видел, что Нияз не намерен уезжать, и спросил его:

— Какие у тебя планы?

— Мне все равно,— пожав плечами, ответил Нияз.— Я человек командированный...

— Мы с Йигитали-ака после ужина собираемся ехать назад. Ты с нами?

— Да оставь ты свои расксшки: был, видел, с меня хватит. Поверь, я поддержу теб*я. Работа у тебя пойдет. Я, пожалуй, отсюда поеду домой.

— Я вас никуда не отпущу! У Даврана одна работа на уме. А человек не машина, ему нужен отдых,— вмешался в их разговор

Камалходжа. Услышав это, Нияз повеселел.

— Это речь настоящего джигита. Научите таким словам своего друга,— сказал он.

Но сколько ни упрашивал Камалходжа, Давран стоял на своем. После ужина, выпив пару пиалушек чая, отправились в путь, поручив Нияза заботам Камалходжи.

Отъехав от гостеприимного дома, заговорили о завтрашних делах. Обоим было неловко даже упоминать о Ниязе, оставшемся гостить у малознакомых людей. Наконец Йигитали-ака, вздохнув, спросил:

— Судя по словам этого вашего сослуживца, он может прекратить все работы. Это правда?

— Правда,— кивнул Давран.

— Но он говорит — поддержку, может, все будет в порядке?

— А вот в этом я сомневаюсь. Если он заявит, что работы следует остановить,— их несомненно остановят. Но если скажет, что надо продолжать раскопки,— их все равно могут прекратить. Он ведь просто марионетка. А нитки в руках влиятельного человека.

— Я слышал, Асаджан тоже спорил из-за этого места. Чем же не понравилась ваша работа тому большому человеку?

— У них была личная вражда.

— У нас в кишлаке на смех поднимут, если сказать такое. Все уверены, что ученые — самые умные, честные люди. А вражда — это удел всяких неучей, бездельников, невежд.

Давран улыбнулся. Он и сам был такого же мнения, когда учился в школе. Да и на первых курсах института преподаватели с ученой степенью казались ему чуть ли не святыми. Когда до него стали доходить всякие сплетни о преподавателях, он поначалу просто отказывался их слушать. Но с годами убеждался, что ученые не так уж отличаются от простых смертных, что и в их среде можно встретить недоброжелательность, подлость. Немало здоровья унесли у Асада Бекмирзаевича его постоянные стычки с руководством института, с теми, кто завидовал его научным

успехам...

Видя задумчивость спутника, Йигитали-ака не стал докучать ему разговорами. Когда машина въехала на неосвещенную улицу кишлака, он предложил: «Переночуйте у меня, а утром сын отвезет нас на работу». Но Давран не согласился и попросил высадить его возле шоссе.

— Хочется пройтись, подумать. Не беспокойтесь, Йигитали-ака, до лагеря всего три километра.

Когда машина развернулась и фары перестали освещать дорогу, он постоял, вслушиваясь в ночь, потом зашагал по пыльному проселку.

До палатки оставалось каких-то сто метров, когда ясно различимый звук заставил Даврана остановиться. Сначала это был свист. Потом снова повторился этот звук, напоминающий скрип двери. Перед глазами археолога все поплыло, и он, неожиданно для себя, сел на обочине дороги. Окрестность осветилась — человеческая фигура огромного роста, окруженная сиянием, двинулась к Даврану...

Во время своего путешествия на Эрл Ниг часто думал о том, как он встретится с родными после полета, как сложатся их взаимоотношения в дальнейшем. Оставшиеся на Унете значительно постареют, жизненного опыта у них будет намного больше, да и мировоззрение их в чем-то изменится. Неудивительно, если друг, с которым он делился всеми своими помыслами, станет чужим, а единомышленник — идейным противником. Ведь за это время на планете пройдет бездна времени...

По окончании карантина он получил разрешение общаться с унетянами, и на него обрушилось столько новостей, столько разноречивых мнений, что он невольно стал ощущать себя каким-то чужаком среди своих. Даже с женой не получалось разговора по душам. Дети — сын и дочь — тоже отделились от него: они росли, не зная отца. И при первой же встрече с Нигом не удержались от обвинений в адрес старшего поколения,

затеявшего безуспешное путешествие на Эрл. Нимало не смущаясь, они говорили о собственном отце как об одном из тех, кто нанес вред обществу: провал экспедиции на далекую планету лишал унетян последней надежды. Нигу и в голову не приходило, что ему придется выслушать такое от собственных детей. Поэтому, узнав, что Фида собираются поместить в Приют, он не возмутился и даже не удивился. С тех пор как они с Кивом отправились на поиски, к ученым начали относиться еще хуже — на них сваливали все беды угасающей цивилизации.

Жена сильно постарела. И рядом с ней — Ниг, молодой, полный энергии, прежнего своего энтузиазма. Он готов снова ринуться в космические бездны, искать в бесконечных пространствах Вселенной Надежду для унетян.

Иногда он чувствовал себя потерянным, никчемным. Прежде стремление вернуться на Унет, к жене и детям, придавало ему силы. И вот он вернулся. Но все кругом кажутся ему чужими. Даже к детям он испытывает какое-то холодное любопытство. А ведь они похожи на него. Точно таким же стройным был он в молодости. Ниг часто задумывался о детях. Его беспокоило, что они не обзавелись до сих пор семьями.

— Я думал, меня встретят и внуки,— сказал он однажды, когда сын и дочь собирались спать и выбирали для себя программу сновидений.

— Вы бесконечно отстали от жизни,— ответил первенец тоном, покорбившим Нига.— Уже много лет как действует постановление, запрещающее иметь детей.

— Вот как? — опешил отец.

— С тех пор как репутация ученых-естественников упала в глазах общества, для нас на первом месте стоит философия. Администраторы тоже прислушиваются к современным мыслителям. Особенно распространены идеи Мала — он говорит, что биологическое продолжение рода абсурдно, и не видит смысла в создании семьи. Сначала его последователи женились или выходили замуж, отдавая дань традиции. А теперь и в этом

не стало необходимости. После декрета о запрещении деторождения были повсюду созданы Дворцы любви. Все мы живем в последние времена цивилизации, так пусть ее закат будет пышным и прекрасным — так говорим мы, последнее поколение Унета.

— Это философия эгоиста и невежды! — воскликнул Ниг.— Жить для наслаждения, не имея никаких обязательств перед прошлым и будущим!.. Вы нарушаете великий закон жизни — она никогда не может прерваться сама по себе. Только насилие или катастрофа могут остановить ее. Подлые идейки Мала — кредо врага жизни... Посмотри, как прекрасен, как богат еще красками доставшийся нам от предков мир! Да, мы преуспели в разрушении нашей колыбели, но жизнь не замерла в ней. Наше солнце по-прежнему щедро шлет свои лучи всякому живому существу, зеленые валы океана все так же, как и при наших прадедах, бьются о каменные груди утесов. И наша великая культура — теперь она подобна увядающей ветви, но брызните на нее животворной влагой новых, оптимистических идей, и она вновь зазеленеет...

Жена Нига, схватившись за грудь, закашлялась. Сын быстро захлопнул окно, опустил шторы.

— Видите? Попробуйте-ка продолжать жизнь на этой раскаленной сковородке, если у вас не будет кондиционера... По-вашему, я должен этого желать своим детям. А дальше будет хуже. Нет, я не хочу, чтобы они задохнулись во имя утверждения вашей оптимистической философии. Что они увидят, появившись на свет? Сколько проживут? Сколько лет мы протянем сами? Оставлять потомство, когда над планетой витает тень смерти — преступление. Мы — новое поколение — наконец-то поняли это. И предпочли красивый закат безобразной смерти.

— Вы просто духовно деградировали. Каким еще словом можно назвать отказ от борьбы?

— Бороться!.. Какую это борьбу вы имеете в виду? Оставляете нам в наследство умирающую планету и поучаете: боритесь,

держайте. Вы хищнически обирали океаны и сушу, во всю мочь трубя о наступающем золотом веке. Мы честнее вас: зная, что не сможем оставить долговечного наследства своим потомкам, не хотим иметь детей. Так почему же вы объявляете наши взгляды философией невежд? Простите меня, но вы оторвались от жизни. Много изменилось за время вашего отсутствия. Примите это во внимание и не затевайте бессмысленные споры. Как сын я должен предупредить вас об этом. На оптимизм больше нет спроса.

Действительно, многое изменилось. Умом понимая это, Ниг никак не мог принять сердцем новые порядки. Он тосковал по прошлому, по той цельности, которая встречалась еще среди людей его времени. Поэтому он и пришел к Фиду.

В словах старого друга звучала горечь, боль, видно, много ее накопилось. Нет, не все простились с надеждой. Хотя говорить об этом небезопасно, есть еще те, кто верит в будущее планеты, готов бороться за продолжение жизни. Философия пессимизма — не новость, она всегда пыталась мешать развитию общества. Но она перешла в наступление в самый тяжелый момент, когда, напротив, необходимо было собрать все силы для поисков выхода из тупика.

— Многие из тех, кто пытался противостоять заразе «закатничества», попали в Приют. Другие не выдержали борьбы — Мим, например.

— Я слышал. Но не стоит сожалеть о нем,— жестко сказал Ниг.

— Почему?

— Он убил сам себя. Он совершил предательство.

— Кого же он предал?

— Сначала себя, потом общество, науку.. Я не умею сожалеть о трусах.

— Ты чрезмерно требователен. Ты отсутствовал долгое время. Очень многое изменилось.

— Это я уже слышал.

— Мим был из числа самых талантливых ученых. Он стал безразличен ко всему, когда твердо убедился в том, что руководство Унета не верит в будущее и планета обречена на гибель. Поэтому он даже запретил лечиться своим заболевшим детям. Болезнь и унесла сначала их, а потом жену.

— Значит, эта философия находит сторонников и среди нас. Тем более не стоит горевать о Миме.

— Таких стало большинство, они забыли, что пессимизм приближает катастрофу и мы должны остерегаться его, как инфекции. Ученый обязан воспользоваться даже самым последним шансом. От смерти никто не убежит. Но надо быть готовым встретиться с ней лицом к лицу.

— А вот мой отпрыск предпочел бы, чтобы она застала его в момент, когда он нацепит на себя шлем проектора сновидений,— горько произнес Ниг.

После этой беседы Ниг в течение нескольких дней не выходил из библиотеки, знакомился с последними научными публикациями. Большинство разработок преследовало цели, продиктованные философией Великого Заката: сделать быт последнего поколения как можно комфортабельнее и разнообразнее, не допустить дальнейшего падения уровня жизни из-за предельного истощения ресурсов планеты. Но Нигу попались и другие работы. Авторы их были по-настоящему встревожены торжеством последователей Мала и хотели спасти цивилизацию Унета. В одной из кассет он нашел прозрачную аллгорию, намек на положение, сложившееся в последнее время. Автор говорил, что тащить орудие в гору тяжело. Однако его невозможно остановить, если оно вырвется из рук. Оно будет сокрушать все на своем пути. Не так уж давно весь ученый мир был озабочен тем, чтобы втащить орудие на самую вершину и салютовать оттуда по поводу полной победы над природой. Выстрел произведен, победу отпраздновали. Но уже вскоре началась паника, словно орудие и в самом деле покатилося вниз... Автор не делал никаких выводов, но они напрашивались сами

собой: необходимо действовать, философия пессимизма ведет цивилизацию к самоубийству.

Врачи, обследовавшие Нига, были встревожены его рассказом о галлюцинациях во время полета к Унету. Посоветовали отдохнуть на берегу моря. Ниг не противился рекомендации. В последние годы он постоянно прибегал к излюбленному средству: глядя на морские волны, бегущие по экрану, и слушая их шум, он обретал душевное спокойствие.

Гигантские здания высились на побережье. Ниг бродил по песку, вглядываясь в сизую дымку над горизонтом,— солнце вот-вот должно было показаться над волнами — и вспоминал свои поездки к океану вместе с родителями. Давно это было. Теперь все кругом другое. Океанские воды ныне, в сущности, мертвые воды. Мало того, что в морских глубинах замерла жизнь. Мощные насосы день и ночь качают воду в подземные резервуары. Потом она проходит через десятки фильтров, магнитных полей, которые высасывают из нее железо, соль, золото. В море возвращается «пустая» жидкость. И с каждым годом все меньше металлов извлекают из океана огромные заводы.

Ниг долго стоял на берегу. Прикрыв глаза, вспоминал видеозаписи, которые смотрел на звездолете. Там море казалось красивее. «Если бы сейчас удалось вернуть океану все взятое у него, смогли бы мы вновь возродить жизнь в его глубинах?.. Да, мы должны это сделать. Если ресурсов больше нет на Унете, мы отыщем их на соседних планетах. Пусть не удастся найти новое жизненное пространство, можно еще возродить наш старый мир...»

Тем временем исследователи приступили в лабораториях Центра космоплавания к осмотру образцов, доставленных с Эрл. Когда очередь дошла до изваяний и их подвергли систематическому анализу, произошла сенсация: эти окаменелости были органического происхождения! Более тщательное изучение позволило установить набор хромосом и сделать вывод о биологическом родстве обитателей Эрл и

унетян.

Поэтому когда на очередном заседании Комиссии по водворению слушалось дело Фида, Ниг заявил о том, что ученый не ошибался в расчетах — на далекой планете действительно существовала жизнь. И, возможно, она погибла совсем недавно до прибытия экспедиции с Унета. Что если Кив сделался жертвой того самого грозного явления, из-за которого население Эрл обратилось в камень?.. После долгих прений решение о водворении Фида было отложено до тех пор, пока не будет обследован труп погибшего.

Фид немедленно получил назначение в лабораторию. Он энергично взялся за дело. И уже через несколько дней руководимая им группа ученых добилась интересных результатов. Старый друг связался с Нигом и пригласил его зайти.

— Кажется, мы допустили одну весьма серьезную ошибку,— сказал Фид, едва тот появился в его новых владениях.

— А, значит, ты все еще надеешься выявить виновника неудачи экспедиции и засадить его в Приют? — саркастически заметил Ниг.

— Да, боюсь, кому-то придется иметь дело с Комиссией. Но теперь речь не о том. Сейчас мы постараемся определить, где была допущена ошибка,— сказал Фид и, обняв Нига за плечи, повел его в соседнее помещение.

Как только руководитель и его гость вошли, один из сотрудников доложил, что к опыту все готово. Фид вместе с Нигом приблизились к стойке с образцами и реактивами.

— Эта эмульсия — основа жизни на Эрл. Смесь, содержащая двадцать разновидностей аминокислот. Мы превратим ее в камень.

— Зачем?

— Возникло одно предположение. Кажется, мы перестраховались и оберегали вас больше, чем это было необходимо. Не погубили ли обитателей планеты «Р-лучи», которые

предназначались для защиты вас и корабля от биосферы Эрл?

— На нас ведь они не повлияли?

— Во-первых, вы были защищены от излучения, а во-вторых, учти разницу в строении своей клетки и клетки обитателя Эрл. У тебя — двадцать семь аминокислот, у него — двадцать... Готовы? — обратился он к коллегам.

— Готовы.

— Начнем.

Предположение Фида подтвердилось — после облучения эмульсия превратилась в камень.

Ниг был подавлен. Ему стало не хватать воздуха, и он шагнул к выходу.

— Куда ты?! — Фид бросился за другом.

— Столько жертв, столько трудов! — сдавленно произнес Ниг. — И все надежды погибли из-за какой-то мелочи...

— Это Лон виноват! — грозно проговорил Фид. — Его «Р-лучам» мы обязаны крахом экспедиции. Ну ничего, он ответил нам за это.

— Пстой,— с горькой усмешкой сказал Ниг. — Еще недавно ты сам чуть было не угодил в Приют. А теперь хочешь стать палачом другого ученого только потому, что он оказался менее удачлив, чем ты? Нам всем надо объединяться для спасения Унета, а не грызть друг другу глотки.

Когда Ниг вышел из Центра, был уже вечер, однако дневной зной еще не спал. Огромные куполообразные здания лаборатории тоже дышали жаром. Застоявшийся воздух сух, нигде нет спасения. Скорее домой, в комнату с наглухо закрытыми окнами, со слабо жужжащим кондиционером. «Надо снова лететь на Эрл! Правда, теперь экспедицию организовать сложнее — ресурсы Унета на пределе, да и общественное мнение относится к рекомендациям ученых уже не с тем вниманием...»

Когда Ниг пришел домой, семья ужинала.

— Видно, работы много? — бросил первенец. — Что-то поздно вы стали приходить.

— Дел хватает.

— Есть новости?

— Есть!.. Мы были правы, готовя экспедицию на Эрл — там должна быть жизнь.

— Вот как?

— Да. И проблема переселения по-прежнему на повестке дня. Только для этого нужна решительная, готовая к борьбе молодежь. Ей продолжать цивилизацию Унета на новой планете.

— Интересно, где вы собираетесь искать эту романтическую молодежь? — саркастически заметил сын.— Вам не удастся увлечь нас на авантюры — не та теперь молодежь. Она хочет жить для себя, а не для каких-то грядущих поколений. Тем более, что их и не будет больше. А выкрикивать лозунги да читать наставления легко. Вы и вам подобные привыкли поучать всех вокруг.

А что вышло? Вы погубили планету. Ее погубил ваш прогресс!

— Не мы стояли у истоков прогресса. И остановить его не в наших силах. А тот, кому пришла бы в голову такая идея, был бы просто жалок. Но если тебе нравится, пожалуйста, борись против прогресса.

— Если нравится... У меня нет воли к такой борьбе. Я ни на что не способен, кроме как сидеть и ждать Конца.

— Такие, как ты, пессимисты, и становятся на пути тех, кто борется за предотвращение катастрофы.

— Возможно, мы приближаем ее?

— Да. Можно сказать и так. Но время еще не потеряно. Надо отказаться от зловредной философии Мала, приняться за работу. Вырастить поколение, которое пронесет наследие нашей цивилизации через космические бездны и построит новый Унет. До катастрофы еще далеко. Если мы будем бороться, даже твои дети не станут ее свидетелями. Конец приближают пассивность, бездеятельность, паникерство...

Через несколько дней после этого разговора Высшее собрание выслушало отчет медиков, исследовавших причины смерти Кива.

По мнению врачей, участник экспедиции погиб из-за мощного воздействия на его мозг какого-то неведомого излучения. Однако влияние генератора «Р-лучей» исключалось, так как никаких следов повреждений в защитной оболочке космонавта не обнаружили. Руководитель лаборатории реанимации считал, что надо попытаться оживить Кива, хотя шансы на удачу были не так уж велики. Высшее собрание одобрило это предложение.

Ниг был приглашен в качестве консультанта. Психологи полагали, что обстановка, в которой будет происходить оживление, должна быть максимально приближена к той, что окружала Кива в момент гибели. Снимки и видеозаписи помогли создать макет местности, Ниг показал место, где располагались окаменелости, привезенные им на корабле,— именно рядом с ними Кив рухнул замертво.

Когда все было готово, над макетом возвели купол, под ним предполагалось воссоздать атмосферу Эрл. Умершего навигатора поместили на ложе, оборудованное датчиками, подвели провода, закрепили присоски вибраторов, над головой установили шлем — импульсный преобразователь. В первые часы операции под куполом был создан вакуум. Только когда с помощью вибраторов и инфракрасного облучения температура тела была доведена до нормальной, насосы начали подавать смесь азота, кислорода и углекислого газа. Теперь нужно было ждать несколько дней, пока можно будет начать воздействовать на сознание Кива посредством импульсного преобразователя.

Ниг страшно волновался все это время, и врач, наблюдавший за состоянием его психики, снова потребовал, чтобы он отправился отдохнуть к морю. «Вернетесь к моменту оживления и войдете в камеру. А пока постарайтесь забыть об операции».

Но ему не пришлось присутствовать в лаборатории в этот ответственный день. Неожиданная простуда — Ниг сильно переохладился во время подводной прогулки — надолго приковала его к постели. Когда же смог познакомиться с бюллетенем, посвященным операции, был потрясен: реанимация

удалась, но тяжелое психическое расстройство потребовало срочного помещения Кива в клинику.

Когда Ниг получил наконец разрешение врача вернуться к своим занятиям, он немедленно отправился в лабораторию и попросил отчет о завершающем этапе операции. Но руководитель предложил гостю подождать, пока материалы будут доставлены из Центра лингвистики. В ответ на его недоумение объяснил:

— Дело в том, что Кив после своего пробуждения заговорил на неведомом языке. Его слова, разумеется, были записаны, и теперь лингвисты ищут ключ к пониманию произнесенного им.

— Можно ли мне до тех пор увидеть Кива?

— Попробуйте поговорить с психиатрами. Но сомневаюсь, что они допустят вас к нему.

Это предсказание сбылось — в клинике сообщили, что Кив находится в одиночной палате и к нему пока никто не входит — всякая встреча с унегянином сопровождается у него странной реакцией: больной бросается в угол, забивается под лежак и, закрыв голову руками, кричит на неизвестном науке языке.

Ниг ежедневно справлялся в лаборатории, не получили ли ответ, и все-таки для него было неожиданностью, когда однажды утром прожужжал зуммер почтопровода и из щели на приемный желоб шлепнулся пакет с красным символом Центра лингвистики — крестом, заключенным в круг. Ниг вскрыл его и, отложив в сторону пачку снимков, скрепленных скобкой, стал читать отчет. Пропустив подробные объяснения методологии операции, едва пробежав глазами описание всех ее этапов, с особым вниманием стал вчитываться в описание момента пробуждения Кива.

«Девятый день. Пятый час. Вторая доля.

Импульсный преобразователь переведен на энергетический режим П.

Показания датчиков: усиление деятельности всех органов; отдельные участки мозга отзываются на импульсы

преобразователя.

Девятый день. Пятый час. Третья доля.

Импульсный преобразователь функционирует в режиме М.

Показания датчиков: полное включение коры головного мозга.

Тело Кива приподнимается на стенде.

Система самоотключения электроники срабатывает — происходит отсоединение датчиков и проводов.

Кив встает, делает несколько шагов, осматривается.

Фонограмма: Аллах милосердный, пять дней я тащился по пустыне, предвкушая отдых в кругу семьи. И что вижу: мой город поразила золотая немочь! Вот добрался до родного дома — и тут мертвое молчание. Да еще эти два шайтана со светящимися головами бродят по моему саду... Куда они провалились? Может, они привиделись мне? За что наказываешь, о всемогущий?..

Кив подходит к окаменелостям. Хватается за ту из них, которая, по всей вероятности, была существом женского пола.

Фонограмма: Вай-вай, и ты, Махбуба, красавица моя, нашла свой конец в этом проклятом месте... А это кто еще? Хаким? А, так вот зачем ты ходила в сад по ночам — ты миловалась с этим паршивым сыном ювелира! Горе мне, позор на мою седую голову...

Кив бьет себя руками по голове.

Фонограмма:... Как я посмотрю в глаза баю?.. Э-э, что я мелю, старый хрыч... Где ты теперь будешь искать бая?

Руководитель операции опасается, что Кив может нанести себе повреждение — его мозг едва пробудился от небытия. Принимается решение войти в камеру и вывести Кива в подготовленную палату.

Когда трое сотрудников появляются в поле зрения

Кива, он бросается от них и прячется за макетом глиняной стены. Речь его прерывиста, он возбужден в высшей степени.

Фонограмма: Опять шайтаны! О аллах, за что наказываешь меня?.. Только что их было двое, теперь откуда-то свалился

третий... А-а-а, не подходите ко мне, служители бездны...

Кив неподвижно лежит возле макета. Сотрудники немедленно закрепляют на его теле датчики, чтобы определить, что с пациентом. Диагноз: глубокий шок.

Когда после соответствующего воздействия на сознание Кива психостимуляторов он приходит в себя, специалист констатирует полное нарушение функций психики. Параноидальное стремление скрыться от окружающих. При попытке установить с ним контакт впадает в транс. Крики: «Шайтан! Не мучь меня, владыка ада!»

Ниг отложил отчет. «Вот это сюрприз! Что же стряслось с беднягой? Впечатление такое, словно заговорило одно из наших изваяний...»

Астронавигатор вышел из дома и отправился в рощу, чтобы в одиночестве хорошенько обдумать происшедшее. «Что это за шайтаны, хотел бы я знать. Он явно имел в виду унетян. Но тогда какие двое шайтанов явились ему перед смертью? Ведь он поминает их сразу после оживления. На Эрл он мог видеть только меня и СЕБЯ... Вот так штука — выходит, Кив видел меня и себя со стороны. Глазами кого-то третьего... Полная неразбериха!»

Ниг вышел на поляну и присел на знакомый валун. Долго перебирал в уме всевозможные объяснения изложенного в отчете, но правдоподобного истолкования всего этого не находил. Он собрался было идти за советом к Фиду, как вдруг его осенило. «А почему Кив бросился к этим окаменелостям? Он явно узнал их. Значит... Значив, Кив — это не Кив, а обитатель Эрл... Опять неразбериха. Единственное, что может прийти в голову — произошел «обмен сознания» между Кивом и каким-то эрлянином. Надо пойти еще раз внимательно прочесть отчет».

Он вернулся домой и принялся снова изучать фонограммы. «Так. Он говорит о пяти днях. К моменту смерти Кива корабль пробыл на Эрл по планетарному времени трое суток. Значит, эрляин — если мое предположение об «обмене» верно — во время нашего приземления находился в трех днях пути от города.

Синхронно с посадочными двигателями включился генератор «Р-лучей».

Зона его воздействия как раз должна покрыть весь городок и захватить его окрестности. Таким образом, приятель наших изваяний не попал под облучение и невредимым добрался к своей цели. Вот тут-то и появились мы с Кивом. Наши генераторы вырабатывали несравнимо меньшую дозу «Р-радиации» — даже простое укрытие могло спасти от нее... Точно, вспоминаю. Неподалеку от взятых мной окаменелостей торчала третья — меня еще удивила нелепая поза изваяния. Может быть, с ним и «поменялся» Кив в момент своей смерти?»

Ниг решил рассказать об этих умозаклечениях Фиду. Пока он добирался до лаборатории, которой руководил друг, он еще больше утвердился в своем мнении. Ниг связал с катастрофой, происшедшей на Эрл, те галлюцинации, что преследовали его во время возвращения на Унет. Не хватало только нескольких звеньев, чтобы гипотеза выглядела стройно и доказательно.

Выслушав Нига, Фид заявил:

— Знаешь, мне тоже что-то подобное приходило в голову. По-видимому, действительно произошел своего рода съем информации. В момент облучения эрлянина возник чрезвычайно эффективный канал телепатической связи. Й память воспринимающего энергетический заряд выстрелила в этот канал весь объем накопленных сведений. Можно уподобить этот процесс, хотя механизм его еще неясен, стиранию магнитозаписи под воздействием случайно возникшего поля или аварийному сбросу информации из ячеек электронного мозга. Для того чтобы понять происшедшее, необходимо как следует изучить природу «Р-лучей». Наша ошибка состояла в том, что мы вооружили вас ими, плохо исследовав эффекты облучения-.

— Все то, что ты говоришь, выглядит правдоподобно. А что скажешь по поводу моих галлюцинаций? Что же — мертвый Кив бомбардировал меня этой заимствованной памятью?.. Мне, признаться, источником видений представлялись окаменелости...

— Да, вопрос не прост. К сожалению, мы ничего не можем сказать о формах биоэнергетики жителей Эрл. Обладают ли они, подобно нам, телепатическими способностями? Могут ли создавать ноосферические поля? Может быть, под воздействием «Р-облучения» их сознание мутирует и приобретает новые возможности?

— Но не может же существовать сознание вне его биологического носителя, независимо от него.

— После гибели всей биоструктуры оно, естественно, функционировать не может. Но если биоструктура — в данном случае труп Кива — законсервирована? Я допускаю, что отдельные эманации, прорывы психополя могут существовать... Все, что я говорю, лишь самая общая, ни к чему не обязывающая гипотеза. Я просто ищу вслух подходы к решению проблемы.

— Ну хорошо. А куда делась личность Кива? Неужели она целиком была вытеснена памятью эрлянина, загнана в подсознание?

— Не знаю, это предстоит выяснить. Могу даже предположить, что его психика стала психикой того разумного существа, которое наградило его своим сознанием.

— Ты хочешь сказать, что каменная статуя, оставшаяся на Эрл, теперь мыслит категориями Кива? — усмехнулся Ниг.— Это уж совсем ни на что не похоже.

— Не доводи мою мысль до абсурда. Ничего подобного я измышлять не собираюсь. Хочу сказать только, что за какой-то миг до смерти эрлянина и Кива памяти того и другого устремились навстречу по каналу телепатической связи. Вот и все. А разрушиться сознание Кива, оставшееся на Эрл, может точно так же, как эманировало сознание его контрагента во время полета к Унету. Ведь биоструктура не погибла — она законсервировалась, окаменела благодаря «Р-облучению».

— Так по-твоему выходит, что...

— Ничего по-моему не выходит,— раздраженно прервал Фид.— Еще раз повторяю: я размышляю вслух...

Давран развернул телеграмму и прочел:

«Работы временно прекратить, просьба прибыть очередное заседание ученого совета. Мансуров».

— Что там? — встревоженно спросил Йигитали-ака, выбравшись из раскопа.— Вы так нахмурились — не случилось ли чего с родными?

— Нет. Это касается наших изысканий.— Давран протянул ему телеграмму.

— Да-а, новости,— промолвил Йигитали-ака, пробежав глазами текст.— Это подпись Нияза?

— Нет, его дяди. Он занимает пост заместителя директора института.

— Значит, племянничек что-то напел про Язъяван.

— Не думаю. Скорее, дядюшка сам что-то замыслил. Так или иначе — придется ехать.

— А нам ждать вашего возвращения и сидеть сложа руки?

— Ну нет. После вчерашней находки будет преступлением потерять хотя бы день. Я каждый вечер буду звонить в правление колхоза, часов этак в восемь. Приходите туда в это время и докладывайте мне о результатах раскопок. Оставляю вас вместо себя.

— А статую повезете с собой?

— Обязательно. Распорядитесь, чтобы рабочие сколотили крепкий ящик. Кого-нибудь пошлите на хлопковый завод — надо достать побольше ваты, чтобы обложить изваяние — не дай бог, повредим при перевозке..

Вечером в вагоне поезда Давран стал набрасывать конспект речи, с которой собирался выступить перед ученым советом. «Сообщение о находке надо будет сделать в самом начале, чтобы не дать этому демагогу Мансурову и его подголоскам настроить коллег против меня. А потом предложу свою гипотезу относительно происхождения статуи и того скульптурного изображения руки, которое мы обнаружили еще при Бекмирзаеве».

На следующее утро, проследив за выгрузкой ящика с язъяванской находкой на товарном дворе станции, Давран вышел на улицу, поймал такси и отправился в институт. Необходимо было уточнить время предстоящего заседания, разузнать, что готовят противники Асада Бек-мирзаевича. Даже после его смерти они не могли успокоиться — Язъяван был для них как бельмо в глазу. «Эх, если бы в институте царила подлинно товарищеская атмосфера,— думал Давран.— Можно было бы с полной откровенностью поделиться сомнениями, рассказать о «святой ночи», о призраках, являвшихся мне возле раскопок». Археолог никому еще не говорил, что ему довелось наблюдать «святого Хызра». Когда видение повторилось дважды, он решил: «Выходит, предание не так уж фантастично. Ясно, что многое — плод воображения, но реальная основа легенды существует. Святую ночь, впрочем, тоже примыслили впоследствии — видимо, двадцать седьмое число рамазана связывалось в старину с каким-то религиозным событием. Надо будет выяснить это. Мне, во всяком случае, повезло больше других — две «святые ночи» подряд». Но потом ему пришло в голову, что галлюцинации посещали не только его. Как объяснить такую текучесть среди рабочих экспедиции? Четверо уволились при Асаде Бекмирзаевиче, на днях — еще двое. И все при этом держали себя как-то странно, сбивчиво объясняли мотивы ухода...

В мраморном вестибюле института было прохладно. Шум уличного движения едва проникал сюда и не мешал дремать вахтеру. Давран дотронулся до его плеча. Старик встрепенулся, открыл глаза и удивленно воскликнул:

— Давран Махмудович! Сколько лет, сколько зим! Видно, все время пропадаете в экспедициях — вон как загорели.

— Да, Ахмад Гафурович, копаемся, как кроты... Что новенького здесь?

— Пусто. Полевой сезон — почти все в отъезде. Вот только завтра соберутся на ученый совет. Вы, никак, тоже с этой целью прибыли?

— Когда собираются?

— В двенадцать, как обычно.

— Товарищ Хасанов!

Он поднял голову и на самом верху марша парадной мраморной лестницы увидел дядю Нияза. Тот широко улыбался и как-то заговорщически махал ему рукой.

— А ну поднимайтесь, дорогой, сюда. По вас все так соскучились.

Давран взбежал по ступенькам.

— Пойдемте потолкуем ко мне в кабинет,— сказал Мансуров, мягко взяв аспиранта за локоть.

Когда они уселись в кожаные кресла возле шахматного столика, заместитель директора заговорил, все так же улыбаясь:

— Милый Давран, позвольте мне, как старшему, называть вас по имени. Вы, конечно, знаете, что я очень уважал покойного коллегу Бекмирзаева. Это был человек редкостно одаренный. И я был просто счастлив, что дело моего друга хотите продолжить вы, талантливый молодой ученый. Однако...

Давран внутренне напрягся. «Вот оно, из-за чего меня вызвали...»

— Вы прекрасно знаете, что работа института подчинена определенному плану. В соответствии с ним выделяются и средства, и, хотя работы в Язъяване не планировались на ближайшие годы, я поддержал Асада Бек-мирзаевича, уговорил товарищей, от которых зависела судьба экспедиции. Но теперь мне самому приходится поднимать вопрос о временном прекращении раскопок. Повторяю — временном...

— Но позвольте, уважаемый Эмин Мансурович...— попытался прервать его Давран.

— Не позволю, дорогой Давран. Выслушайте сначала меня. Завтра речь пойдет о нуждах экспедиции в Пскенте. Работы там ведутся большие, с размахом. Результаты, правда, еще не очень значительные. Но все зависит от энергии руководителя. Вот этим-то качеством прежний начальник партии и не отличался.—

Мансуров сделал многозначительную паузу и торжественно продолжал: — Я намерен предложить на его место вас, дорогой Давран...

«Неужели он думает, что я так глуп и меня легко соблазнить должностью начальника крупной экспедиции? Дело нечисто. Он явно хотел бы убрать меня из Язъявана, а через некоторое время возобновить там работы под началом своего человека. Он наверняка понимает: раскопки, начатые Асадом Бекмирзаевичем, перспективны — и хочет, чтобы лавры достались ему. Старый лис хорошо знает, что у Бекмирзаева был настоящий нюх археолога: где бы он ни начинал копать, попадались крупные находки. Теперь он решил перехватить славу открытия покойного...»

— Но ведь в Язъяване обнаружены интересные вещи. Например, кисть руки, принадлежавшая какому-то изваянию...

— Это ничего не значит. Давайте лучше думать о том, чтобы как следует провести раскопки в Пскенте.

— Нет, я буду просить завтра о выделении средств для продолжения работ в Язъяване,— твердо сказал Давран.

— Что ж, вольному воля,— сухо заметил Мансуров и поднялся с кресла, давая этим понять, что разговор окончен.

«Посмотрим, как ты запоешь, когда я выложу главный свой козырь»,— усмехнулся аспирант, покидая кабинет.

После того как было доказано, что на далекой планете существует жизнь, Высшее собрание несколько раз обсуждало доклады ученых, предлагавших возобновить программу исследования Эрл, которая оказалась похороненной после неудачного полета первой экспедиции.

К удивлению Нига,— а он был уверен, что предложения специалистов одобряют при первом же голосовании,— в высшем законодательном органе Унета нашлось очень много убежденных противников «космической авантюры»— так они называли идею переселения на другие планеты. Их не интересовали никакие выкладки Фида и его сотрудников. «Цикл развития нашей цивилизации завершен, и искусственные попытки продлить ее

жизнь в иных мирах продлят только агонию культуры, давно изжившей себя»,— говорили члены Высшего собрания, исповедовавшие философию Великого Заката. Когда собрание все-таки проголосовало за продолжение космических изысканий, Ниг и его друзья чувствовали себя измученными — за эти дни пришлось немало понервничать, каждый выступал по нескольку раз. Однако теперь им было не до отдыха. Уже на завтра после решающего заседания Фид и Ниг отправились на предприятия, изготовлявшие прежде агрегаты космических кораблей и необходимую аппаратуру.

Результаты первой инспекционной поездки оказались плачевными. Оборудование и станки, необходимые для создания звездолетов, в большинстве либо безнадежно устарели, либо были демонтированы. Кадры, нужные для успеха программы, распыленные по самым различным производствам, также не совсем отвечали уровню требований Комитета по колонизации (так именовали новое научное объединение). Правда, техническая документация и архивы, относящиеся к подготовке первой экспедиции, были в целости и сохранности,— теперь все это свезли в обшарпанный двадцатиэтажный офис, доставшийся Комитету в наследство от упраздненной Лиги Чадолубия. Много лет здание простояло необитаемым, и теперь сотрудникам Фида предстояло привести запущенные кабинеты в порядок.

Электронный мозг, некогда обслуживавший полет к Эрл, также перевезли на новое место. Образцы пород, окаменелости, пробы атмосферного воздуха с Эрл разместились в лабораториях Комитета. Постепенно налаживалась работа многочисленных отделов, занимавшихся вопросами жизнеобеспечения космонавигаторов, разработкой разговорника — предполагалось, что на этот раз посланцы Унета смогут вступить в контакт с жителями планеты. Параллельно продолжались попытки восстановить здоровье Кива — если бы ученым удалось заставить нормально функционировать сознание обитателя Эрл, многие проблемы общения с инопланетной цивилизацией были бы

решены еще до полета. Больному отвели звуконепроницаемые апартаменты на верхнем этаже; мощные аппараты психотерапии день и ночь создавали в помещении «поле спокойствия».

Постепенно втянувшись в работу, Ниг посвежел, его больше не беспокоили последствия стресса, перенесенного на корабле. Размеренный образ жизни, рациональное питание, ежедневные получасовые посещения «камеры горного воздуха» — все это позволяло ему надеяться, что его и в этот раз включат в состав экспедиции. Время, казалось, работало на него и его друзей...

Однажды ночью Ниг пробудился от страшного грохота. Он сорвал с головы шлем проектора сновидений и сел на ложе. За окном едва забрезжил рассвет, все четыре спутника Унета сияли над угловатыми силуэтами небоскребов. Сам не зная зачем, Ниг стал одеваться. В спальню заглянул сын. Лицо его было встревожено.

— Что случилось, отец? Судя по всему, это был какой-то взрыв. Причем, если не ошибаюсь, в той стороне, где находится ваш Комитет.

— Сейчас отправлюсь туда и все разузнаю,— бросил Ниг.

Но он не успел даже договорить — возле подъемника послышались шаги, негромкие голоса.

— Ниг, по постановлению Чрезвычайного совета Высшего собрания мы должны доставить вас в Приют,— входя в комнату, проговорил молодой чиновник в желтой форменной шапочке. За его спиной теснились еще несколько служителей в таких же головных уборах.

— Я не понимаю вас. И почему среди ночи...

— Выполняйте постановление! — чиновник протянул Нигу металлическую карточку, удостоверяющую его полномочия...

В Приюте было не повернуться — повсюду на полу, на лежаках, на скамьях вдоль стен сидели только что доставленные сюда сотрудники Комитета по колонизации. Увидев Фида, астронавт протиснулся к нему.

— В чем дело? Ты что-нибудь понимаешь?..

Вместо ответа Фид показал другу на окно.

— Посмотри туда. Видишь зарево? Это горят руины Комитета. Они взорвали его.

— Кто они?!

— В полночь «закатники» захватили Высшее собрание, потом уничтожили Комитет, а всех нас, как угрожающих безопасности Унета, свезли сюда...

— Надо бороться,— сдавленно произнес Ниг.

— Борись, если можешь,— горько вздохнул Фид...

Давран не предупредил о своем приезде, поэтому на станции его никто не встречал. Солнце только поднялось из-за окоема, длинные тени деревьев лежали на дороге, по которой шел молодой археолог. До раскопок было километров восемь, но Давран не стал ждать попутную машину — решил прогуляться по утреннему холоду. В руке у него болтался старый портфель — в одном из его отделений холостяцкий набор: полотенце, мыльница, зубная щетка, бритва. В другом — тоненькая папка с тесемками, в ней лежали всего три машинописных листка. Ясно, что с подобным багажом путь до лагеря экспедиции показался не в тягость...

Когда до стоянки экспедиции осталось уже недалеко, он заметил впереди себя знакомую коренастую фигуру. Молодой человек остановился и, сложив ладони у рта, крикнул:

— Э-э-э, товарищ начальник!

Йигитали-ака повернулся и приветственно замахал рукой.

— Полная победа! — радостно воскликнул археолог, когда их разделяли каких-то двадцать метров. На ходу расстегнув портфель, он выхватил из него папку, дернул тесемки достал верхний листок.

Забыв даже поздороваться, Йигитали-ака схватил бумагу и прочел то место, на которое указал Давран:

«...По докладу тов. Хасанова ученый совет постановляет: максимально расширить размах работ в Язъяване, сохранив общее руководство раскопками за тов. Хасановым...»

— Я прихлопнул их одним ударом,— улыбаясь, объявил археолог.— Когда рабочие разбили ящик и все увидели статую, Мансуров тут же собрал свои бумаги и сел на место. Немедленно решили выделить дополнительные средства...

— А почему вы не звонили, дорогой Давран Махмудович? Оба вечера я приходил в правление, как условились — в восемь...

— Совсем закрутился, Йигитали-ака. А что, есть новости?

— Сейчас увидите,— лаконично ответил тот.

Через несколько минут они поднялись на холм, где производились раскопки. Давран глянул вниз и зажмурился: в лучах восходящего солнца золотым огнем горели крыши нескольких домов, на раскопанной улице поднимался целый лес золотых статуй...

Перевод С. Плеханова